

29. Wierzbicka, A. Semantics, culture, and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – 487 p.
30. Wierzbicka, A. Semantics: Primes and universals. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 500 p.
31. Wierzbicka, A. Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 317 p.

ОБЗОРЫ

УДК 81`373.612.2

А.И. Бардовская

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗУЧЕНИЯ СИНЕСТЕТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ

В статье ставится вопрос о синестетической метафоре как одном из важных аспектов проблемы корпоральной парадигмы гуманитарных исследований; предлагается обзор трактовок этого явления с позиций разных направлений изучения синестезии; определяются возможности интеграции между ними на пути разработки единой теории синестезии.

Ключевые слова: интегративный подход, синестезия, интермодальность, синестетическая метафора, перцепция.

Активно развивающийся в настоящее время интегративный подход к анализу языковых явлений, трактующий язык как одну из составляющих сложного ансамбля психических процессов (см., например, [3; 11]), обусловливает рост интереса современных исследователей к явлениям, в силу своей междисциплинарности, «стыкового» характера, до недавнего времени находившимся на периферии языковедческих исследований. К их числу принадлежит синестезия (с греч. σύν (syn) и αἴσθησις (aisthēsis), дословно, «совместное ощущение»), традиционно привлекающая внимание широкого спектра наук о человеке – психологии и психофизиологии, философии и искусствоведения, литературоведения и лингвистики. Взрыв интереса к проблеме интермодальности, наблюдаемый в последнее десятилетие в перечисленных науках, позволяет в полной мере согласиться с определением текущего этапа развития гуманитарного знания как периода «синестетического бума» [8], что сопоставимо лишь с ситуацией рубежа позапрошлого и прошлого веков, когда проблема синестезии впервые была выделена в сферу отдельного научного интереса. Такое положение представляется вполне закономерным по причине смены общенаучных парадигм, а именно, возврата к антропоцентризму, ставящему во главу угла человека чувствующего, ощущающего, переживающего, что влечет за собой выдвижение глобальной задачи создания единой междисциплинарной теории, которая позволила бы изучать человека в его целостности.

В последнее время имеет место обострение внимания ученых-гуманитариев к извечному философскому вопросу отношений души и тела с акцентированием тезиса о том, что последнее на протяжении долгого времени абсолютно неправомерно было вычеркнуто из списка объектов научного рассмотрения, поскольку оно все же «остаётся действующим, реальным, базовым даже в самых, казалось бы, абстрагированных “полетах мысли”» [11: 245]. В этой ситуации не вызывает сомнений актуальность обращения к механизмам синестезии, связанной с восприятием, но не уместяющейся лишь в сфере перцепции, а имеющей отношение к мышлению, памяти, воображению, т.е., психической деятельности в целом (см. об этом: [1]). Будучи связанной с языком, синестезия дает возможность глубже осознать его природу, а также приблизиться к объяснению отношений «язык – мышление – тело», выходящих на первый план современных языковедческих исследований (см., например, [12; 13; 23; 32]).

Такой ракурс рассмотрения проблемы позволяет по-новому взглянуть на феномен синестетической метафоры (далее – СМ), акцент внимания при изучении которой, в связи с выдвигаемым тезисом о метафоричности мышления [14], переносится со стилистических характеристик этого явления на его когнитивные и смыслообразующие функции (см., например, [24; 37]). Определение СМ как не только феномена языка, подчиняющегося правилам лексико-грамматической трансформации, но и как явления, имеющего отношение к развитию и функционированию мышления, и инструмента в изучении широкого круга проблем, связанных с психикой, в частности, дающего возможность более наглядно проследить процесс формирования межчувственных ассоциаций (см., например, [19]), обуславливает правомерность постановки вопроса о нем и как о своего рода средстве доступа к миру телесности, представляющей собой «качество, силу и знак телесных реакций человека, формирующихся с момента зачатия в процессе всей жизни», хранящей «обобщенное знание человека» и являющейся «материальным, видимым аспектом души (психе)» [5: 572–573]. При этом следует подчеркнуть, что СМ в данном случае интересна не потому, что она являет собой исчерпывающее и зеркальное отражение телесного опыта, связанного с синестетическими ощущениями и переживаниями, поскольку их значительная часть, скорее всего, остается за пределами сознания и не поддается вербализации. Будучи явлением лингвопсихическим, она заслуживает пристального внимания благодаря своей способности фиксировать определенные фрагменты ментальной реальности, дающей возможность понаблюдать за тем, как человек *осознает* свою телесность, размышляя об окружающем его мире в терминах кросс-модальных ассоциаций.

Сегодня в разных науках осуществляются первые шаги на пути к разработке теории СМ в подобном ключе. СМ, таким образом, становится одним из важных аспектов проблемы *body in the mind*. Центральным вопросом, поднимаемым в этой связи, является вопрос о том, каким образом синестезия как характерное свойство человека, рассматриваемого в единстве

психического и соматического, взаимодействует с принадлежащим ему языком, и каким образом она отражается в структурах языка. Попытаемся выделить и охарактеризовать основные точки зрения на эту проблему.

Особенности взаимосвязи синестезии и языка
с точки зрения современной нейропсихологии

Одним из ключевых вопросов, связанных с проблемой СМ в лингвистике и философии языка, является вопрос ее универсального характера. В этом плане весьма продуктивным оказывается обращение к данным, предоставляемым даже не столько психологией, сколько (психо)физиологией, а на текущем этапе развития теории синестезии, в связи с расцветом и большими успехами нейронаук – к данным нейропсихологии и нейрофизиологии. Однако сегодня СМ становится одним из важных источников, откуда и сами представители этих естественных наук черпают идеи и где находят подкрепление своих теорий. С обсуждения того, что возникает в результате такого взаимодействия, мы начинаем наш обзор.

Самым цитируемым зарубежным исследователем синестезии на сегодняшний день является нейропсихолог Ричард Цитович (Richard Cytowic, чья фамилия также иногда транслитерируется как «Сайтовик»), ученый, стоявший у истоков возрождения интереса к синестезии за рубежом, связанного с когнитивной революцией 80-х гг. прошлого столетия, чье определение интересующего нас феномена используется как «классическое» в зарубежной науке.

В трактовке Р. Цитовича [25], синестезия представляет собой «непреднамеренный физический опыт межчувственной ассоциации, когда стимуляция одной сенсорной модальности приводит к восприятию в одной или нескольких других модальностях». По его мнению, специфику синестезии определяют пять присущих ей особенностей:

- 1) непроизвольность;
- 2) представленность в пространстве;
- 3) стабильность во времени и недетализированность образов;
- 4) запоминаемость;
- 5) эмоциональность.

Здесь, вероятно, необходимо подробнее остановиться на том, что имеется в виду под второй характерной чертой синестезии. По мнению автора, синестезия протекает в своем особом пространстве, схожем с евклидовым, воспринимаемым только носителем феномена. При этом синестеты понимают, что данное поле физически нереально. Тем не менее, они могут охарактеризовать, на каком расстоянии от них и в какой плоскости находятся синестетические образы.

Р. Цитович считает, что синестезия носит врожденный характер и не может быть вызвана с помощью сознательного усилия, а также утверждает необходимость отграничения синестезии от метафоры, литературных тро-

пов, звуко-символизма и других художественных приемов, которые зачастую описываются как «синестезия». Говоря о встречаемости феномена синестезии, Р. Цитович называет цифру 1:25000, т.е. полагает его весьма редким, вместе с тем подчеркивая, что природа проявляет себя в исключениях, и что, в целом, синестезия связана с абсолютно нормальными процессами в мозге, однако на поверхность сознания она выходит у меньшинства людей. Таким образом, понимание синестезии этим ученым можно охарактеризовать как «строгое», «узкое»; говоря о том, что перспективу дальнейших исследований он видит в интеграции усилий не только представителей нейронауки, но и медиков, лингвистов, девелопменталистов, он, вместе с тем, существенно ограничивает сферу изысканий, исключая из объема понятия синестезии многочисленные сознательные межчувственные ассоциации, которые также могут базироваться на произвольных, но слабых проявлениях синестезии.

Важным моментом в практикуемом Р. Цитовичем подходе к проблеме взаимосвязи синестезии и СМ является акцентирование различий между ними, заключающихся в произвольности и стабильности во времени первой и подверженности изменениям в течение времени и в значительной степени обусловленности культурными элементами второго. Развитие это положение находит, в частности, у другого сторонника строгого определения синестезии – Шона Дэй (Sean Day), антрополога, президента Американской Ассоциации Синестезии (являющегося, между прочим, синестетом) [26].

В указанной работе, весьма широко цитируемой в современной литературе по синестезии (см., например, [29]), продемонстрировав несостоятельность традиционных теорий метафоры в отношении СМ, Дэй обращается к классическому исследованию С. Ульманна [34], становящемуся отправным моментом для его рассуждений. Поскольку это исследование, послужившее началом регулярного изучения СМ в лингвистике, не теряет авторитета по сей день, остановимся на нем подробнее.

С. Ульманн был первым лингвистом, поставившим вопрос о синестезии как семантической универсалии. Рассматривая синестезию как разновидность метафоризации, т.е. как «особый вид переноса наименования на основе ассоциации между значениями» [34: 277], С. Ульманн определяет ее специфику тем, что в данном случае «два значения соотносятся с ощущениями, расположенными на двух различных уровнях чувствительности» [Ibid.]. Уровни чувствительности, сферы сенсорiums, выделяемые С. Ульманном, – это осязание, температура, вкус, обоняние, рассматриваемые им как более примитивные, менее дифференцированные, и более высокоорганизованные ощущения – слух и зрение.

На основе анализа синестетических сочетаний английского, французского и венгерского языков С. Ульманн выявил три универсальные тенденции, характерные для явления синестезии в языке: 1) перенос значения чаще происходит от низших сфер (осязания) сенсорiums к высшим (слуху,

зрению), от менее дифференцируемых к более дифференцируемым; 2) в соответствии с этой тенденцией, основным источником для образования синестетической метафоры выступают понятия, относящиеся к сфере осязания; 3) в качестве адресата чаще всего выступают понятия, относящиеся к сфере слухового и зрительного восприятия (см. рис. 1).

Такое рассмотрение СМ не только затрагивает вопрос синестезии, представляющей собой некую комбинацию модальностей, но и выводит на философскую проблему первичных ощущений.

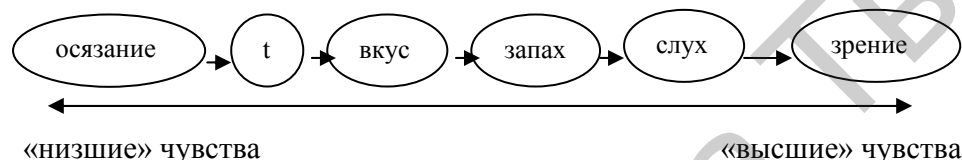

Рис. 1

О схожем наблюдении намного раньше Ульманна рассуждал А.А. Потебня, писавший о передаче чувственных впечатлений в работе [18]:

«Каждому из сравниваемых чувственных качеств человек назначает известное место в ряду однородных и весь ряд представляет одною стройною системою. Природа самих восприятий содействует этому в различной мере. В ряду различных по организации восприятий взрослого человека, рассматриваемых как одновременные члены системы, замечаем, что отдельные восприятия и объективность их оценки возрастает по направлению от общего чувства к так называемым высшим, т.е. к зрению и слуху. Бесстрастию, с каким мы воспринимаем впечатления зрения и слуха, соответствует бесконечное разнообразие доступных нам оттенков звука и цвета, которые ни по чину, ни по ответственности и сравнить нельзя ни с какими другими восприятиями. Увеличение отдельности впечатлений происходит в направлении от общего чувства к зрению» [18: 90].

Отметим, что не теряют интереса к принципу иерархической дистрибуции, на который обратил внимание С. Ульманн, и современные исследователи, обращающиеся к нему, в частности, в связи с разработкой вопроса доступности СМ (см., например, [33; 35]).

Чуть позже идея Ульманна о тенденции движения в синестетических переносах «снизу вверх» нашла подтверждение в исследовании Дж. Уильямса [36], предложившего несколько иную схему, где отражены связи сенсорных полей (см. рис. 2).

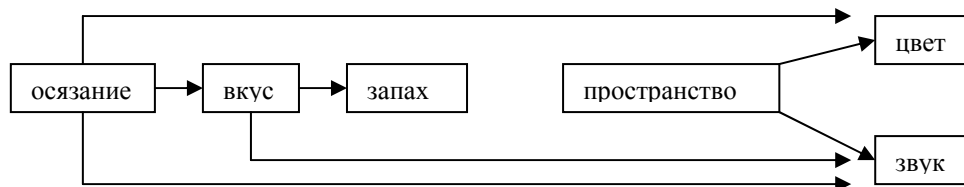

Рис. 2

Это направление изучения СМ оказалось, в частности, очень востребованным в отечественной лингвистике второй половины прошлого века, где в рамках семасиологического подхода осуществлялись многочисленные исследования, главным образом, семантики имени прилагательного, как в сопоставительном плане, так и на материале отдельных языков, в результате чего появились многочисленные типологии синестетических переносов, основываясь на которых, можно было бы продолжить составлять схемы межчувственных переходов [1].

Вернемся к работе Ш. Дэй. Взяв за основу методику, предложенную Ульманом, Дэй анализирует весьма репрезентативный корпус СМ английского и немецкого языков. Однако он не ограничивается выделением моделей синестетических переносов и подсчетом их процентного соотношения, но и, с целью определения весомости того или иного конкретного чувства, ранжирует сферы чувствительности, участвующие в синестетических переносах, для чего из количества случаев, в которых то или иное конкретное чувство является источником переноса, вычитает количество случаев, когда оно выступает в качестве адресата (например, сфера зрения, выступающая, согласно таблицам Дэй, 100 раз в качестве источника и 242 в качестве адресата, получила отрицательный ранг –142). Аналогичным образом Дэй поступает с описанными Р. Цитовичем 25 случаями выраженной синестезии, распределяя их по типам, подсчитывая количество случаев каждого типа и определяя ранг задействованной сферы чувств. Дальнейшее сопоставление полученных данных дает ему возможность сделать вывод о некотором сходстве синестетических паттернов при языковой и сенсорной синестезии (в частности, обнаружить тот факт, что в обоих случаях сфера слуха наиболее часто выступает в качестве адресата) и сделать предположение об общих нейрофизиологических основаниях определенной части СМ и синестезии. С другой стороны, отмеченные различия как между языковым и клиническим материалом, так и между двумя языками, позволяют Дэй прийти к заключению о необходимости разграничения семантических процессов и синестезии:

«Можно сказать, что синестетические метафоры в действительности являются метафорами, более того, они работают так же, как другие метафоры. Их значение не является “вмонтированным” в сознание, но в большой мере опосредуется семантическими процессами и изменяется во времени и в зависимости от культуры, подобно другим метафорам» [26. Перевод мой. – А.Б.].

Определяя перспективы дальнейшего изучения СМ, Ш. Дэй связывает их с возможностью выявления сходных паттернов, которые могут свидетельствовать об общих биологических основах синестезии, а также с возможностью обнаружения того, как синестезия опосредуется культурой в разных языках мира, о чем, соответственно, будут свидетельствовать специфические межчувственные ассоциации.

Следует, однако, отметить, что в более поздних работах исследователей, остающихся в рамках предложенного Р. Цитовичем строгого определения синестезии, представление о взаимосвязи этого явления и языка значительно расширяется. В частности, авторы работы [31], говоря о том, что все возможное разнообразие синестетических паттернов пока что остается неизвестным, пишут, например, о возможной обусловленности действием нейробиологических механизмов синестезии универсальных для разных языков мира выражений агрессии, представляющих собой перенос в эту сферу понятий, относящихся к сфере секса, а также выдвигают предположение о тесной взаимосвязи феномена языковой метафоры в целом с сенсорной синестезией (вспомним, в связи с этим, гипотезу, высказывавшуюся значительно раньше Б.Л. Уорфом, согласно которой, возможно, метафора возникает из синестезии, а не наоборот [22]). Более того, основываясь на данных томографических исследований мозга выраженных синестетов, авторы работы [31] предлагают гипотезу о решающей роли механизмов синестезии в возникновении человеческого языка и развивают синестетическую теорию речи.

Интересным образом предлагаемая современными нейробиологами трактовка синестезии преломляется в рассуждениях Й. Златева и Т. Икегами [27], развивающих концепцию аутопоэзиса. Излагая свое представление о ступенях, уровнях филогенеза, эти исследователи отводят в нем важное место интермодальным явлениям:

«Во внутреннем пространстве значений преобладают разного рода кросс-модальные наложения, определяющие гармоничный, мультимодальный окружающий субъекта мир. Синестезия может оказаться лишь вершиной айсберга, демонстрирующего важность соответствующих и несоответствующих друг другу модальностей» [Op. cit. Перевод мой. – А.Б.]

Важным моментом работы [27] является выдвигаемое в ней положение о том, что язык соотносим с телесностью, но не сводим лишь к сенсорно-моторному опыту, в соответствии с чем авторы подчеркивают мысль о неравнозначности СМ и синестезии, определяя первую как «квази-перцептивное явление».

Синестезия и язык в отечественной традиции нейро- и психофизиологии

Сопоставим рассмотренную точку зрения зарубежных исследователей с представлениями отечественных нейро- и психофизиологов об интересующем нас вопросе. Одним из первых отечественных исследователей, обративших внимание на феномен синестезии, был А. Р. Лурия [15; 16], чье понимание этого явления стало наиболее авторитетным в отечественной психологии и нейробиологии. Синестезия определяется им как физиологический механизм, характеризующийся возникновением непроизвольных ощущений в модальностях, типично реагирующих на другие стимулы. В

соответствии с его пониманием, синестезия является нормальным, присутствующим всем людям проявлением физиологической работы мозга.

Тем не менее А.Р. Лурия показывает, что люди имеют различную выраженность этого явления, и говорит о высоком развитии синестезии у одного из своих испытуемых, журналиста, а, впоследствии, профессионального мнемониста Шерешевского, многолетние наблюдения за которым позволили сделать вывод, что синестезии оказывали влияние не только на его восприятие, но и на мышление, понимание, входили существенным компонентом в его память.

Здесь необходимо также подчеркнуть, что феномен Шерешевского, всемирно известный благодаря исследованию А.Р. Лурия, по сей день остается наиболее детально запротоколированным случаем так называемой «клинической» синестезии. Например, Шерешевский описывал свои ощущения так:

«Я обычно чувствую и вкус, и вес слова – и мне уже делать нечего – оно само вспоминается, а описать трудно. Я чувствую в руке – скользнет что-то маслянистое – из массы мельчайших точек, но очень легковесных – это легкое щекотание в левой руке, – и мне уже больше ничего не нужно...» «Какой у вас желтый и рассыпчатый голос», – сказал он как-то раз беседовавшему с ним Л.С. Выготскому. «А вот есть люди, которые разговаривают как-то многоголосом, которые отдают целой композицией, букетом...» [16].

Вероятно, подобные наблюдения позволили А.Р. Лурия сделать предположение о связи синестезии с языком, что нашло отражение в определении, согласно которому синестезия представляет собой сочувствование, которое возникает как интермодальное смешение в нашем головном мозге и ведет к тому, что «язык реагирует на него специфическими словосочетаниями» [15: 134].

В целом, факт взаимосвязи выражений, отражающих целостность восприятия окружающего мира, и синестезии отмечается и в определениях других классиков отечественной психологии, рассматривающих синестезию как некий механизм, функционирующий на подсознательном уровне, свидетельством универсальности которого и полагаются широко распространенные и понятные всем СМ (см., например, [20]).

Такое представление о взаимосвязи синестезии и языка было взято за основу С.В. Ворониным, предложившим положение о том, что синестезия в языке представляет собой универсалию психофизиолингвистическую [4]. Говоря о выражениях, фиксирующих интермодальные явления, как «мета-языке синестезии», С.В. Воронин делает такой вывод:

«Один стимул вызывает не одно ощущение, а два: одно – адекватное, второе – неадекватное, вторичное, индуцированное; существует перенос одного качества на другое; синестезия в широком смысле есть норма и явление общезначимое» [Op. cit.: 127].

В отличие от рассмотренной выше точки зрения С. Ульманна, С.В. Воронин акцентирует роль эмоциональных факторов в действии СМ и вводит понятие «синэстемия», определяемое им как психофизиологическая универсалия, лежащая в основе универсалии лингвистической, область действия которой – сенсорно-эмоциональная сфера (ощущения → эмоции). Развитие этой идеи находим в исследовании ученицы С.В. Воронина М.Я. Сабанадзе, так определяющей синестезию:

«... сложный многоуровневый (собственно, двухуровневый) лингвопсихофизиологический (точнее, психофизиолингвистический) феномен, заключающийся в том, что ощущение одной модальности вызывает вторичное ощущение другой модальности либо определенную эмоцию; результат на психофизиологическом уровне – перенос качества ощущения, результат на лингвистическом уровне – перенос значения» [21: 13].

Предложенное С.В. Ворониным понимание синестезии в языке принимается в работе И.Н. Горелова [9], где выдвигается гипотеза о психофизиологической мотивированности синестезии на разных уровнях языка – фонемном, морфемном, словосочетательном.

Разработанные И.Н. Гореловым принципы, заключающиеся в необходимости учета взаимосвязи между разными уровнями психической организации человека при описании и анализе языковых проявлений синестезии, возможности классификации синестетических словоупотреблений по типам, обусловленным психофизиологическими причинами номинации – по типам синестезии и возникновении синестетической номинации мотивационно – в конкретной соотнесенности ядерной номинации с периферическими ощущениями различных модальностей, оказались продуктивными при изучении специфических языков искусства (см. работы: [9; 10; 21]). Применение этих принципов дало интересные результаты в нашем исследовании на материале языка художественной литературы (см.: [1]).

Таким образом, подводя итог проведенного сопоставления, можно отметить, что отечественная психолингвистика значительно опередила зарубежную науку о языке, уже более 20 лет тому назад выдвинув предположения, которые начинают озвучиваться в последней только сейчас, в связи с развитием когнитивного подхода к языку.

Несмотря на определенную разницу трактовок, моментом, объединяющим все рассмотренные выше позиции, является признание общенаучной значимости изучения СМ, условием адекватности которого, однако, выдвигается необходимость осознания того, что синестезия представляет собой нечто большее, чем язык. Развиваемые в этом направлении подходы не только обогащают представления языкознания об интермодальности и вносят много нового в лингвистическую методологию, но и делают вклад в становление единой теории синестезии. Однако ясно и то, что речь пока что идет о программах изучения СМ, нуждающихся в дальнейшей разработке.

Понимание синестезии Б.М. Галеевым:
язык как «полигон» для изучения синестезии

Наиболее отличным от рассмотренного выше представляется мнение современного российского исследователя синестезии Б.М. Галеева, относящего способность к синестезии к «проявлениям “сущностных сил” человека, культивируемым в сфере его социальной практики, прежде всего в искусстве...» [6]. Его позиция вынесена нами в отдельный пункт, поскольку, в силу оригинальности, ее трудно соотносить с другими мнениями, выдвигаемыми на текущем этапе изучения синестезии. Говоря о синестезии как специфическом проявлении невербального мышления, осуществляемого путем произвольного или целенаправленного сопоставления, сравнения разномодальных впечатлений, Б.М. Галеев подчеркивает мысль о том, что синестезия представляет собой *социальный, культурный*, а не биологический феномен; таким образом, фактически, он призывает изучать явление, совершенно не похожее на рассмотренное выше.

В противоположность современной нейropsихофизиологической трактовке, Б.М. Галеев выдвигает положение о том, что «именно язык, искусство есть тот “полигон”, где формируется и наиболее активно культивируется синестезия» [8]. Вместе с тем Галеев подчеркивает, что интермодальные связи, дающие себя знать лишь выходя на свет сознания и фиксируясь в слове, являются проявлением невербального, чувственного мышления и возникают чаще всего на уровне подсознания.

С позиций такого подхода признается, что синестетические закономерности формируются при жизни и являются своеобразной ассоциацией, метафорой, а, следовательно, они не произвольны, но могут быть легко сознательно актуализированы и не воспринимаются как реальные переживания, а являются семантическими конструктами. В ходе социализации ребенок усваивает внешние для него синестетические сочетания, свойственные окружающей его культуре, и со временем они становятся для него естественными [2].

Помимо этого, Б.М. Галеев подразделяет межчувственные ассоциации на активные и пассивные, с разной степенью переживания, указывая, что люди создают и свои собственные соотношения разнородных объектов, основываясь на их связях друг с другом в пространстве, времени или используя другие критерии объединения. В результате, представители одной культуры могут переживать некоторые сходные синестетические ассоциации, что объясняется интериоризацией одинаковых образов, актуальных в культуре, и, вместе с тем, иметь разнородные межмодальные сочетания, что вызвано индивидуальными особенностями развития и создания ассоциаций [2; 6].

Зная о рассмотренных в предыдущих пунктах концепциях, Б.М. Галеев не отрицает факт существования произвольных межмодальных ассоциаций, однако считает, что они не являются синестезией, а представляют со-

бой аномалию в функционировании мозга. Т.е. он настаивает на том, что синестезией является именно способность к ассоциациям и метафорам, естественная и свойственная каждому человеку. Таким образом, изучение синестезии должно отойти от столь пристального рассмотрения работы мозга и перейти к психологическому исследованию механизмов образования ассоциаций и эстетическому анализу различных синестетических схем, в частности, активно проявляющихся в творчестве.

Безусловно, постановка вопроса о синестезии как высшей мыслительной способности привносит много интересного в теорию этого явления, в частности, в плане разработки вопроса о том, как синестезия преломляется в той или иной культуре. Как мы полагаем, определенный интерес это представляет и для герменевтических исследований языка. В то же время полное отрицание Б.М. Галеевым биологической составляющей синестезии видится нам спорным. Таким образом, можно предположить, что предлагаемый Б.М. Галеевым подход может многое приобрести, если будет осуществляться в сочетании с положениями, рассмотренными нами выше.

Генетико-органические основы взаимосвязи синестезии и языка

Общепризнанным является положение о том, что синестезия бывает особо выражена у детей (см., например, [15]). Генетико-органическая теория интермодальности утверждает, что основа синестезии – в восприятии в недифференцированном, генетически примитивном состоянии сознания [17]. По нашим наблюдениям, на текущем этапе наблюдается тенденция к сближению этой теории с нейрофизиологической теорией синестезии. Пожалуй, наиболее известным исследователем, практикующим такой подход, является Лоуренс Е. Маркс (Lawrence E. Marks).

Определяя синестезию как форму доязыковой категоризации, Л. Маркс [28] перекидывает «мостик» от сенсорной синестезии к синестетической ассоциации, метафоре и предлагает концепцию, согласно которой когнитивное развитие протекает в три стадии: (1) стадия чувственных представлений информации, поступающих от органов чувств; (2) стадия, на которой объединяются чувственные и вербальные представления; (3) стадия вербального представления перцептивной информации.

В соответствии с таким подходом, синестезия не исчезает с возрастом, а утрачивает свой непосредственно «чувственный» характер и все более выражается в языке. В более поздней работе [30] совместно с другим исследователем, Гейлом Мартино (Gail Martino), Маркс уточняет и развивает эти положения, выдвигая гипотезу о существовании сильной и слабой (strong and weak) синестезии. Сильная синестезия понимается авторами как явление, при котором определенные стимулы вызывают не только сенсорные качества в специфичной модальности, но также и качества, обычно связанные с другой модальностью. Опираясь на труды других исследователей (Baron-Cohen, Burt и другие), Мартино и Маркс утверждают, что силь-

ная синестезия проявляется довольно редко и в среднем встречается у одного человека из 2000. При этом более часто синестезия обнаруживается у женщин (6 женщин-синестетов на одного мужчину-синестета). Под слабой синестезией понимаются метафоры, в которых описание образа одного органа чувств дается через эпитеты, типично связанные с другим органом чувств (например, *теплый цвет, сладкий звук*).

В указанной работе разбираются признаки, отличающие сильную и слабую синестезию. Одним из главных их отличий полагается то, что сильная синестезия основана на сенсорных процессах, т.е. за возникновение синестетических состояний ответственны определенные физиологические структуры, а слабая связана с семантическим уровнем и является когнитивной способностью. Вопрос о том, каким образом связаны между собой сильная и слабая синестезия, остается открытым и трактуется авторами как тема дальнейших исследований. Тем не менее, они полагают, что основу этих двух явлений представляет общий механизм.

Заключение

Безусловно, можно было бы продолжить рассмотрение проблемы, поскольку на сегодняшний день, пожалуй, ни одна из гуманитарных наук и ни одно течение внутри конкретной науки, обращающихся к проблеме интермодальности, не обходится без постановки вопроса о ее языковой стороне, что обуславливает многообразие вариантов его решения. В данной статье мы обратились лишь к четырем наиболее популярным в настоящее время течениям в изучении синестезии. Наш анализ дает основания сделать вывод о всеобщем признании ценности изучения СМ на пути разработки единой теории интермодальности. СМ, таким образом, становится объектом междисциплинарного рассмотрения.

Вместе с тем, как нам представляется, все перечисленные точки зрения, при их неоспоримой новизне и оригинальности и стремлении приблизиться к пониманию того, каким образом синестезия взаимодействует с языком как достоянием человека, остаются в значительной степени гипотетическими и умозрительными. А это ставит задачу углубления междисциплинарной теории СМ с перспективой обращения при ее изучении к индивидуальному сознанию носителя языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бардовская А.И. Средства номинации синестетических соощущений (на материале английских и русских художественных текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2005. – 20 с.
2. Ванечкина И. Л. Цветной слух и светомузыка <http://prometheus.kai.ru>
3. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. – М.: Смысл; Per Se, 2000. – 685 с.
4. Воронин С.В. Синестезия и звуко-символизм // Психолингвистические проблемы семантики. – М., 1983. – С.120–131.

5. Газарова Е.Э. Тело и телесность: психологический анализ // Психология телесности между душой и телом. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. – С.558–573.
6. Галеев Б.М. Влияние нормативной эстетики на изучение синестезии <http://prometheus.kai.ru>
7. Галеев Б.М. Синестезия в мире метафор <http://prometheus.kai.ru>
8. Галеев Б.М. Что такое синестезия: мифы и реальность <http://prometheus.kai.ru>
9. Горелов И.Н. Синестезия и мотивированные знаки подязыков искусствоведения // Проблемы мотивированности языкового знака. – Калининград, 1976. – С.74–81.
10. Елина Е.А. Действие эстетической синестезии в искусствоведческих текстах // Предложение и слово : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. – С.102–110.
11. Залевская А.А. Корпоральная семантика и интегративный подход к языку // Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – С.245–255.
12. Карасева Е.В. Предметно-чувственный компонент значения слова как живого знания : дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2007. – 166 с.
13. Комина Э.В. Вербальная синестезия http://www.philos.msu.ru/vestnik/philos/art/2006/komina_verb.htm
14. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
15. Лурия А.Р. Курс лекций по общей психологии. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1971. – 135 с.
16. Лурия А.Р. Маленькая книжка о большой памяти <http://www.psy.msu.ru/science/public/luria/small.html>
17. Натадзе Р.Г. К вопросу о психологической природе интермодальной общности ощущений // Вопросы психологии. – 1979. – № 6. – С. 49–57.
18. Потехина А.А. Мысль и язык.–Харьков: типография «Мир. труд», 1913.–225 с.
19. Расников Г.В. Особенности цвето-звуковой синестезии : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2006. – 30 с.
20. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии.–СПб.: Питер Ком, 1998.–688 с.
21. Сабанадзе М.Я. Синестезия в подязыке музыковедения: (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1987. – 21 с.
22. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Зарубежная лингвистика. – М.: Прогресс, 1999. – Вып.1. – С. 58–92.
23. Швец Н.О. Роль языка в структурировании знания : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2005. – 19 с.
24. Bretones-Callejas, C.M. What's your Definition of Synesthesia: a Matter of Language or Thought? <http://csjarchive.cogsci.rpi.edu/Proceedings/2005/docs/>
25. Cytowic, R.E. Synesthesia: Phenomenology and Neuropsychology <http://psyche.cs.monash.edu.au>
26. Day, S. Synaesthesia and Synaesthetic Metaphors <http://psyche.cs.monash.edu.au/v2/psyche-2-32-day.html>
27. Ikegami, T. & Zlatev, J. From pre-representational cognition to language <http://www.sedsu.org/Pdf/ArticlesForPage/Ikegami-Zlatev.pdf>
28. Marks, L.E. The Unity of the Senses. – N. Y.: Academic Press, 1978. – 380 p.
29. Martin, P. Synaesthesia, Metaphor and Right-Brain Functioning <http://barneygrant.tripod.com>

30. Martino, G. & Marks, L.E. Synesthesia: Strong and weak // Current Directions in Psychological Science. – 2001. – № 10. – Pp. 61–65.
31. Ramachandran, V.S. & Hubbard, E.M. Synaesthesia – A Window into Perception, Thought and Language <http://psy2.ucsd.edu/~edhubbard/papers>
32. Ruthrof, H. The body in language. – London; New York: Cassell, 2000. – 193 p.
33. Shen, Y. & Gil, D. Sweet Fragrances from Indonesia: a Universal Principle Governing Directionality in Synaesthetic Metaphors <http://www.tau.ac.il/~yshen/publications/Sweet%20fragrances%20from%20Indonesia.pdf>
34. Ullmann, S. The Principles of Semantics. – Glasgow: Jackson, Son and Co, 1957. – 348 p.
35. Werning, M., Fleischhauer, J. & Beseoğlu, H. The Cognitive Accessibility of Synaesthetic Metaphors <http://www.ruhr-unibochum.de/mam/phil-lang/content/cogsci2006b.pdf>
36. Williams, J.M. Synaesthetic Adjectives: a Possible Law of Semantic Change // Language. – 1976. – June. – Vol. 52. – № 2. – Pp.461–477.
37. Yu, N. Synaesthetic Metaphor: a Cognitive Perspective <http://faculty-staff.ou.edu/Y/Ning.Yu-1/Yu-2003b.pdf>

УДК 81'23:161.14

А.В. Гирнык

СТАТУС КОНЦЕПТА И МЕТОДОЛОГИЯ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ В НАУКАХ О ЯЗЫКЕ

Рассматриваются общие проблемы интерпретации концепта и различные подходы к его исследованию. Внимание акцентируется на возможности совмещения психолингвистического и синергетического подходов в исследовании концепта как сложноорганизованного ментального образования динамической природы.

Ключевые слова: концепт, содержание концепта, синергетика, ассоциативный эксперимент.

Концепт, являясь объемной, многоаспектной формой репрезентации психической деятельности человека, представляет немалый исследовательский интерес и с трудом поддается однозначной интерпретации и комплексному моделированию, несмотря на обилие предлагаемых научных подходов.

Анализ научной литературы позволяет выделить следующие аспекты, обуславливающие проблематику интерпретации и определения статуса концепта среди других форм и способов ментальной репрезентации: (1) элементы содержания концепта (структура); (2) определение области функционирования (концептосфера, языковая картина мира, образ мира); (3) необходимость и степень языкового выражения концепта; (4) соотно-